Цѣна 1 к.

Отечественная ВОЙНА

Экстренныя телеграммы самыя послѣднія новости!

Вѣрнѣй всѣхъ газетныхъ сообщеній!

ВОЕННЫЙ юмористическій альманахъ

Складъ изданія: Москва, Уланскій пер. д. 18
При типографіи.

Съ 14 Сентября выходитъ ежедневная народная газета

Цѣна № 3 к. **„Русскій День“.** Цѣна № 3 к.

По военному.

Мужъ— Какъ тебѣ Вѣрочка не стыдно! Уѣхалъ я всего на одну недѣлю, а ты ужъ тутъ шашни завела!..

Жена—Вовсе это милый мой муженекъ и не шашни, а просто время такое, военное, ну мы и заключили временный платоническій союзъ.. и только.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР №237761969 г.

Была побѣда.

Была побѣда, Громъ гремѣлъ
Отъ нашей славной кононады.
Врага разили мы кругомъ.
Валились крѣпости громады.

——

Мы храбро, смѣло шли впередъ
Враги предъ нами трепетали,
Подъ наше громкое ура
Галичъ и Львовъ мгновенно пали.

——

Враги въ смятенiи нѣмомъ
Съ большой потерей отступали,
А мы, какъ вольные орлы;
Къ Карпатамъ путь свой направляли.

——

Нашъ славный, храбрый генералъ
Впередъ идя насъ звалъ къ побѣдамъ...
И храбро мы дрались съ врагомъ
Не уступая нашимъ дѣдамъ.

——

И не страшася вражьихъ силъ
Идутъ безъ устали солдаты
А впереди къ себѣ зовутъ
Героевъ мрачныя Карпаты.

——

Мы на высоты ихъ взойдемъ,
Прогонимъ вражьи гарнизоны
И тамъ побѣдно водрузимъ
Мы наши русскiя знамена.

Эфъ-Ша.

Съ войны.

(Отъ нарочныхъ корреспондентовъ съ 22 по 25 сентября).

КАРПАТЫ.

Перевалили мы Карпаты.
Чернѣетъ Краковъ не далече,
Гдѣ говорятъ ужъ будетъ дѣльце
На славу доблестная сѣча
Враги, все дальше отступаютъ,
Имъ съ нами бой не понутру,..
Да это ясно, нѣмцы любятъ.
Не драку, черную икру.
Сосиски, пиво съ колбасою,
они готовы вѣчно жрать,
Да съ беззащитными дѣтями
Они не прочь повоевать
Обидѣть дѣвушекъ подростковъ,
И обезчестить нашихъ женъ,
А съ нами швабъ не любитъ драться.
И скоро въ плѣнъ сдается онъ...
Да, для битвы въ бранномъ полѣ
Слабо нѣмецкое нутро,
Они бѣгутъ отъ насъ какъ зайцы,
А мы сбираемъ ихъ добро.

КРАКОВЪ.

(экстренная)

Нѣмцы въ паникѣ... Порты
Грязью изморали,
И завидя казаковъ
Въ обморокъ упали

ЧЕНСТОХОВЪ.

Ждутъ Вильгельма... Вишь у склона
Хочетъ онъ наполеона
Изъ себя изображать...
Былъ ужъ разъ онъ подъ Нанси
Только дѣло вышло пси...
И пришлось ему бѣжать.

БЕЛЬГIЯ.

Бельгiйцы храбрости полны
Дерутся...
Да такъ, что нѣмцы пополамъ
Рвутся.

БОРОДЪ.

Здѣсь всѣ союзныя войска
Дерутся лихо...
У нѣмцевъ же все дѣло швахъ
И очень тихо,

БЕРЛИНЪ.

Вильгельмъ печаленъ и угрюмъ,
Сопитъ, рычитъ и не хохочетъ,

И слухъ идетъ: съкронпринцемъ онъ
Подраться на кулачки хочетъ.

ТУРЦІЯ.

Все фесками махаемъ,
То сучимъ кулаки,
Проливы закрываемъ,
То чистимъ маяки.
Словомъ наши шишки
Играютъ въ кошки-мышки!

ВѢНА.

Намъ сербы тамъ и тутъ
Усиленно кладутъ
И оптомъ и въ розбивку
По швабскому загривку.

Собралъ **Лев-шукъ**,

Вездѣ война.

Въ вагонѣ третьяго класса душно: Усердные служаки правленія Курской костоломки такъ накурили, что хоть топерь вѣшай:

Ты Петровъ вчера отъ насъ удралъ? Или наразвѣдки?

Куда?

— Нѣтъ, хуже, мы съ Кокардовымъ вчера новичка Пыжикова штурмомъ въ плѣнъ взяли и прямо въ „Бельгію“ спрыскивать, на три рубля выставили... Онъ хотѣлъ это по австрійски въ бѣгство, но мы его такъ ловко атаковали, что ему ни взадъ ни впередъ и пришлось сдаватся.

— А мы вчера всѣмъ десантомъ у „Парижа“ высадились и не плативши контрибуціи за выпитое черезъ черный ходъ улизнули.

— А какъ-же польты-то?

— А польты-то въ плѣну остались, сегодня придется выручать...

— Ну и черти! Самодовольно улыбаясь произнесъ одинъ изъ правленцевъ съ Калмыцкой физіономіей,

Перехожу дальше, сажусь между дамъ. Думаю авось здѣсь безъ политики...

— И вотъ Анна Петровна , значитъ какъ наши возьмутъ Берлинъ такъ и войнѣ конецъ..

— Нѣтъ милочка, я думаю война Краковымъ кончится...

— А я,—ввязывается третья особа съ рыжими волосами... думаю, что м будетъ заключенъ въ Вѣнѣ!

— Почему же это вы такъ думаете? Разинула ротъ четвертая.

— Потому думаю, что я гадала на картахъ и вышло акуратъ міръ потому заключенъ въ Вѣнѣ. А еще будетъ что я сонъ видѣла, и мнѣ кто то пророчески говорилъ: „Россія побьетъ Турцію, Франція, Бельгію, Англія...

— Послушайте, послушайте!—Затароторила пятая, обрывая рыжую даму, вопервыхъ Бельгія союзная съ нами держава, а во вторыхъ мы съ Турціей не воюемъ...

— Не воюемъ. такъ будемъ воевать, я же и говорю, что слова были пророческія. а что Бельгія по вашему наша союзница. это не бѣда и мы съ мужемъ брачный союзъ заключали. а все это не мѣшаетъ мнѣ его по лысинѣ туфлей бомбордировать...

— Сравняли!.. укоризнено передразнила шестая и я какъ бомба пересѣлъ дальше. Попалъ въ компанію учениковъ: два приготовишки, двѣ гимназистки 3-го класса, два гимназиста 4-го класса... Ну думаю этимъ не до политики. Этимъ нужно думать объ урокахъ но я ошибся, одинъ изъ гимназистовъ доказывалъ гимназисткѣ, что вся эта война ведется нѣмцами ради завоеванія чужихъ земель. Гимназистка доказывала обратное. по ея мнѣнію нѣмцы дерутся изъ-за престижа власти, Гимназистъ не понималъ ея словъ, и кипятился брызжа слюнями говоря: вы милостивая государыня въ политикѣ ни бельмѣса несмыслите..,Приготовишки другъ другъ тыкали въ бока называя другъ друга, то пруссакомъ, то швабомъ. Потомъ завели споръ кто лучше дерется: казаки или моряки.

Перехожу дальше, сажусь къ двумъ мужикамъ повидимому огородникамъ.

Ну думаю, ужъ-эти-то навѣрное о войнѣ ни слова ни проронятъ.

Въ тѣ поры такъ и было,.Скобелевъ какъ ихъ смазалъ подъ Плевной, такъ Туркамъ и капутъ.. Такъ будетъ и

НѢМЦАМЪ ВСЕ РАВНО.

Русскій.

— Карлъ Карлычъ, пощади! Вѣдь это не въ Калишѣ.

Нѣмецъ.

— Намъ все равно, гдѣ придется, тамъ и не сорвется...

нынче, только стоитъ нѣмчуру вздуть хорошенько и наша взяла.

Иду на площадку, здѣсь стоитъ кондукторъ и проводникъ поѣзда. Слава Богу, навѣрное этимъ не до войны, а думы о „зайцахъ" таковые имъ въ пользу, вѣдь не даромъ же подъ Москвой гдѣ то близъ одной станціи и „заячья" слободка есть.

— Ты какъ думаешь Ивановъ, что наши впередъ въ Вѣну или въ Берлинъ попадутъ?

Дальше идти некуда, впереди былъ багажный вагонъ, а тамъ паровозъ. Хотѣлъ было я бросится подъ колеса, вагоновъ, но въ это время поѣздъ остановился, я слѣзъ и пѣшкомъ пошелъ въ Москву.

Дядя Фиша.

ЗАБОТЛИВЫЙ

— Что это Иванъ Ивановичъ, или балъ хочешь справлять?

— Какой балъ, запасаюсь голубчикъ, запасаюсь а то поговариваютъ ренсковые скоро опять запрутъ.

Рожокъ.

Господа, пожалуйте сюда! Бой начинается, Вильгельмъ въ Ченстоховѣ вишь отправляется... Братцы подумайте сами, куда ему лѣзть въ Ченстоховъ съ нѣмецкими усами, ему не въ Ченстоховъ и не въ Крымъ, а давно уже пора въ Нарымъ,.. надѣть на него сѣрыя брючки, назадъ эдакъ ручки по бокамъ двѣ свѣчи и иди молъ не мычи.

Такъ-то.

Теперь наши славные герои-солдаты перешли за сумрачные Карпаты... Дай Богъ имъ счастливаго пути до Кракова дойти... а подъ Краковымъ во всю развернутся и швабу-цѣмцу насыпать свинцоваго перцу. такъ что-бы самъ нахалъ маленькій Вильгельмъ зачихалъ.

Новость, Вильгельмъ хочетъ во что бы то нестало, сыну своему съѣздить по сусаламъ, это-гритъ эа то тебѣ сынишка, что ты дрался съ французами какъ мальчишка.., Ты погляди. какъ съ нами русскіе дерутся, такъ что отъ пруссаковъ только мокрыя мѣста остаются... А отъ казацкаго „цѣлова-

Убытокъ.

Ты что Агафьюшка, или на войнѣ была, какъ тебя изранили-то.

— Нѣтъ, съ самимъ стычка была, онъ меня кулакомъ, а я его горшкомъ, у меня-то только три зуба вылетѣло, а у него глазъ вонъ, да черепъ пополамъ... Да вотъ бѣда, убытокъ надѣлала, хоронить придется.

нія“ остается отъ солдатъ одно воспоминаніе... А ты что дерешся? Только все въ плѣнъ сдаешся? Должно быть намъ съ тобой не съ храбрыми союзниками сражатся, а впору только за бабъ держатся...

А сынъ на это изволилъ Вильгельму отвѣчать: „да папенька, съ дамочками куда лучше воевать... Дома каждая Фрейлина въ плѣнъ сдается, а на войнѣ этого сдѣлать не удается... А ты бы папа самъ повоевалъ?“

На это Вильгельмъ обѣими руками замахалъ:—мое дѣло говорить не воевать, а впору Наполеона изъ себя изображать,..“

А сынъ ему на это снова въ отвѣтъ: о, батя далеко нѣтъ, Наполеонъ былъ генiй, а ты передъ нимъ пигмей. вѣрно папа, ей-ей...“

На это Вильгельмъ на сына дерзеца такъ осерчалъ, что раза два ему по хлебову далъ... и съ горя къ фрейленамъ на свиданіе поскакалъ...

Герой!

Ну рожокъ играй! чу, какъ сербскія пушки стрѣляютъ, а отъ нихъ швабы домой удираютъ.

Милое дѣло домой, на печку, подъ бокъ къ старухѣ, тыщу разъ лучше чѣмъ получать сербскіе оплеухи. Вѣдь сербы эти чудаки, недадутъ швабамъ и въ себя притти, начинаютъ снова мутить... Да вѣдь такъ колотятъ, точно русскіе на гумнѣ хлѣбъ молотятъ, только пыль летитъ столбомъ, а австрійцы какъ мухи валятся кругомъ.

А это они оттого валятся, что домой притти боятся, такъ въ полѣ спать на вѣки и ложатся.

Оно и лучше!

Ну рожокъ бросимъ пѣсеньки съ копьемъ, давай-ка московскую споемъ. „Зеленый змій живъ, ренсковые пог-

реба открылись и по Москвѣ пьяные появились... значитъ наголодались, какъ только кабаки открылись сейчасъ же москвичи и... нализались... Да братцы, съ проклятымъ «зміемъ» трудно тягатся, этотъ врагъ по сильнѣе нѣмца будетъ, вся Русь борется съ нимъ, а онъ все еще совсѣмъ непобѣдимъ. Нѣтъ, нѣтъ да и подниметъ свою головищу не одно сломалось о него могучее копьище много еще орудій и теперь поломаетъ этотъ проклятый звѣрь.

Много!

Ну господа досвиданія! желаю вамъ счастливымъ оставатся и съ проклятымъ „Зеленымъ зміемъ" совѣтую не встрѣчатся, а ужъ бойкотъ, ему такъ бойкотъ на всегда.

Прощайте господа!

Фиша Пастушокъ.

Нѣмцы виноваты.

Утро. Купецъ Халатовъ Архипъ Өедулычъ собирается въ городъ, жена его Агафья Уваровна лежитъ еще въ постели и думаетъ, какъ имъ получше справить ея именины? Справить такъ чтобы купцы Завихрюшкины ахнули отъ неожиданности.

— Архипъ Өедулычъ, ты еще не уѣхалъ?!

Самъ, услыхавъ голосъ жены, неторопясь отправился въ спальню жены.

— Ты зачѣмъ меня звала? Или во снѣ нѣмца увидала?

— Нѣтъ, накой онъ мнѣ лядъ, я бы теперь кажется и тебя кому уступила.

— Ну ужъ и уступить... а сама норовитъ башмакомъ все рыло растыкать когда съ покупателями въ ресторанѣ до утра засѣдишься! Ну говори, зачѣмъ звала-то?

— Звала я тебя очень по важному дѣлу, я все лежу и думаю, чѣмъ намъ на моихъ именинахъ Завихрюшкинымъ носъ утерѣть? А то они очень важничаютъ, что лучше ихъ имениннаго стола никто не собираетъ.

— Да объ этомъ я подумакивалъ, присаживаясь на край перины проговорилъ Архипъ Өедулычъ — я думаю, какъ бы самого Завихрюшкина Саватея Силыча на твоихъ именинахъ настоящей казеночкой угостить. вѣдь это теперь такая новость, ни въ одномъ домѣ милліонера даже нельзя встрѣтить. Всякой дряни прости Господи сколько хошь можно достать, и портвейну и хересу и шампанскаго, а вотъ простой очищенной ни закакія деньги не получешь... Въ ресторанѣ перваго разряда сколько влѣзетъ пей, а въ домѣ шабашъ, крышка.

— Такъ постарайся какъ нибудь достать, а я для его жены что нибудь необыкновенное придумаю,

— Идетъ, придумалъ штуку. Ты заверни-ка парочку порожнихъ бутылочекъ, а я ужо пойду въ ресторанъ «Ливорно" и тамъ потихоньку изъ графинчика перелью въ свою посуду... Вотъ Агаша удивлю-то гостей на твоихъ именинахъ, просто всѣ такъ и ахнутъ. И буду угощать всѣхъ по маленькой рюмочкѣ, изъ какихъ ликеръ пьютъ...

Агафья Уваровна, ради такого сюрприза, задуманнаго мужемъ, чтобъ утереть носъ Завихрюшкинымъ, горошкомъ вскочила съ мягкаго пуховика и бѣгомъ направилась къ буфету, чтобъ завернуть для сюрприза бутылки.

— Я ужъ тебѣ три заверну, пусть всѣ удивляются и помнятъ Халатовыхъ.

— Завертывай три, я бы и четверть принесъ, да тащить неловко...

— Ну будетъ и этого, пусть виноградное лопаютъ, а то жирны будутъ. Ты-то вотъ изобрѣлъ, чѣмъ пріятеля удивить, а я-то вотъ никакъ и не придумаю, чѣмъ бы это мнѣ передъ его женой отличиться?

— Чѣмъ, чѣмъ, да купи фунта два спѣлой клубники, да свѣжихъ огурцовъ, вотъ тебѣ и сюрпризъ!

— И то дѣло, а гдѣ же теперь взять то?

— Найди, вотъ я нашелъ, и ты пошевели мозгами, да побѣгай по магазинамъ. Захочешь, если такъ птичьяго молока и то достанешь, а не то что огурцевъ съ земляникой, были бы деньги ..

II.

5 часовъ вечера. Агафья Уваровна сидитъ въ столовой за ведернымъ самоваромъ. На столѣ настоящій фрук-

товый магазинъ. Груши виноградъ, дыни, ананасы, груши, яблоки: Словомъ что есть на рынкѣ изъ фруктовъ все тутъ,

Но сама Агафья Уваровна сидитъ точно въ воду опущенная.

Въ столовую тихо отворилась дверь и тихонько крадучись по кашачьи вошла пожилая сухая какъ выжатый лимонъ пожилая женщина. Агафья Уваровна подняла голову.

— А, Сиклитиньюшка! Иди, иди, по размыкай сомной мое горе!

Приживалка низко поклонилась хозяйкѣ дома и присѣла на край стула.

— Что же у васъ золотая вы моя за горе такое? Косясь на разл женные пропищала Секлитиньюшка.

— Охъ, родимая и неговори! Всѣ мои суприсы рухнули...

— Куда же это они моя золотая, не въ погребъ ли?

— Да ты о чемъ?

— Да о карнизахъ...

— Да не корнизы, а суприсы!

— А это что это такое будетъ золотая вы моя, живое или мертвое?

— Ахъ, тебѣ нужно все по русски говорить, ну просто я хотѣла Завихрюшкину Пелагею Ивановну на своихъ имянинахъ удивить...

Охъ, что вы это? За что ее удавить?

— Удивить!!! Глупая ты этакая!

— А! Поняла—чѣмъ же?

— Хотѣла свѣжей клубникой съ огурцами угостить, а ихъ нигдѣ нѣтъ.

— Да теперь золотая не найдешь, не будь этой войны проклятущей можетъ быть изъ Ерманіи бы привезли.

— Все можетъ быть.

— Да ужъ вѣрно говорю, золотая, не будь войны нашла бы.

— И кто ее эту войну несчастную выдумалъ, что-бъ ему ни дна ни покрышки не было!

— Говорятъ казеръ какой то, должно быть звѣрь такой.

— Не иначе, человѣку этого не придумать.

— Да вотъ-ни тотъ-ли котораго всѣ ругаютъ-то? То псомъ назовутъ, то поросенкомъ съ усами, то въ видѣ нечистаго намолюютъ. И зовутъ-то его не по человѣчьи: Вигельмъ!

— Да и достается, хуже чѣмъ нашимъ рсбятишкамъ отъ самого.

— А кто это вигельмъ будетъ-то золотая?

Не знаю Сиклитиньюшка, вѣдь ты знаешь, я грамоту только въ поминаньи и читаю, и то намедни вмѣсто отрока, окорокъ прочла, даже самой смѣшно было. Ужъ ежели этого Вигельма ругаютъ. знато за дѣло. Значитъ худой человѣкъ, забулдыга какой нибудь, хорошаго человѣка такъ срамить но будутъ. Мой, самъ-то намедни его шваброй проклятой называлъ. Изъ-за него говоритъ и казенки заперли. И чтой-то за человѣкъ, пятачекъ за погляденье отдать не жалко.

— Что ты золотая, да это не человѣкъ, человѣка свиньей не малюютъ. это надо полагать звѣрь такой, или хуже, аспидъ огнедышащій.

— А помоему это и ни звѣрь, и ни аспидъ, а чудище морское, которое на днѣ ада живетъ...

— Вотъ, вотъ золотая и я такъ думаю, иначе и ругать-бы его такъ не стали!..

— Положимъ Сиклиньюшка, нынче и человѣка по всякому называютъ, вонъ послушаешь, какъ моего то Архипа Ѳедулыча ребята за глаза ругаютъ, и ажно страхъ беретъ, и антихристомъ и Иродомъ и хамомъ и облаѣдомъ и костяной яичницей. А намедни одинъ парнекъ прямо въ глаза ему и сказалъ: „ты говоритъ развѣ человѣкъ, слонъ зеленый, самъ такъ и взбѣсился, да какъ схватитъ его зашиворотъ, какъ котенка насилу отняли...

— Охъ, золотая, что не говори, а хорошаго человѣка ругать не будутъ. Такъ и Вигельма этого, значитъ онъ проклятущій!

Пойду золотая, а вы коль хотите Завихрюшкину на именинахъ удивить сдѣлайте для нее сливочное мороженое на горячихъ угольяхъ...

III

Полночь. Агафья Уваровна лежитъ въ постелѣ. Часы тянутъ свою монотонную пѣсню. тикъ-такъ, тикъ-такъ,.. Въ углу паукъ терзаетъ осеннюю муху и слышется сверлящее: зы-зы-зы!!!

Самого Архипа Ѳедулыча еще нѣтъ. Сама прислушивается къ каждому

шороху и стуку, нейдетъ-ли?

Прошелъ еще томительный часъ.

Гдѣ-то послышался тяжелый, неровный топотъ и сопеніе.

Не много спустя дверь въ спальню отворилась и на порогѣ стоялъ покачиваясь и икая Архипъ Өедулычъ:

— Вотъ и я.., икъ... уфъ... хорошо и... плохо... уфъ ихъ!..

— Хорошъ, нечего оказать, налимонился... а гдѣ-же вино-то?

— Икъ... нѣту... все въ свою посуду перелилъ, а въ твои бутылки переливать не даютъ.., икъ... такъ я... все сидѣлъ съ горя и переливалъ,, что Завихрюшкину не пришлось суприз ъ икъ... устроить... а все нѣмцы швабы проклятые виноваты... икъ.

Охъ, ужъ эфти швабры, все дѣло испортили!—Протянула сама укладывая самого на постель.

Эфъ-Ша.

Въ битву товарищи.

Въ битву товариши въ битву дружнѣй
Врагъ гордый на насъ наступаетъ!
Но мы не сдадимся живыми врагу
Въ насъ сердце отвагой пылаетъ.

— —

Мы храбры, и сильны, и ловки въ бою
Ни вчемъ мы врагу не уступимъ,
А сами у нихъ мы все въ плѣнъ поберемъ
И въ схваткѣ ихъ здорово взлупимъ.

— —

Давно до иралисъ до швабовъ лихихъ
Теперь они Русскихъ узнаютъ;
Какъ наши и шашки и пики въ бою
Ихъ груди и спины кусаютъ.

— —

Пусть знаютъ какъ дратся съ донскимъ казакомъ,
Онъ нѣмцевъ лихихъ уважаетъ
И сразу на мѣткую пику свою
Враговъ по десятку сажаетъ.

— —

Дружнѣе товарищи, въ битву дружнѣй!
Враги за горой не далече.
Готовтесь къ прицѣлу, готовтесь къ штыкамъ,
Будетъ пріятная встрѣча.

— —

Ужъ мы разуважимъ теперь нѣмчуру
Со страху поди захохочетъ
И дратся навѣрное съ нами во вѣкъ
Потомъ нѣмчура не захочетъ.

Эфъ-Ша.

ТУРЕЦКАЯ СОЮЗНИЦА.

— Послѣ уничтоженія Германіи у Турціи не будетъ ни одной союзницы во всемъ свѣтѣ...

— А про луну то вы забыли? Они давно съ ней въ союзѣ, остается только пустяки—сообщеніе устроить!

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ.

— Что это ты предо мною гнешься? Спину сломаешь...

— Ой, батюшка, ошибся, я думалъ нѣмецкій палачъ Прейсъ идетъ... Ну, думаю отжилъ на свѣтѣ.

Москва. Типографія С. А. Алянчикова
Ужасовій пер. д. 18